

А.Л. Юрганов

«ОТТЕПЕЛЬ» В СССР: ДВЕ МОДЕЛИ РЕФЛЕКСИИ ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС

Юрганов Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и нового времени. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: iurganov@yandex.ru

В статье рассматриваются рефлексивные модели восприятия «секретного» доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Поворот к критике «культы» означал для руководства КПСС только одно – Сталин забыл о коллективизме, о коллективном начале, о коллективных решениях; он перестал обращать внимание на мнение других руководящих членов партийного коллектива. Он возвеличил себя, а не партию. Сама проблема преступлений сводилась к тому, что Сталин репрессировал членов партии. Вопрос о преступлениях против всего народа не ставился и не рассматривался. Таким образом возник поворот к рефлексии, предусматривающий защиту *обновленной тоталитарности*, новой коллективной связности (и оправданности) партийных решений. В этой модели была важна *логика отступления* ради сохранения главного – коммунистической перспективы. В статье рассматривается поведенческая стратегия видных историков Академии наук в условиях неопределенности отношения к Сталину: кто он, согласно докладу Хрущева, преступник или «видный деятель» партии? Другая модель обнаруживается в тех вопросах, которые задавали слушатели на лекциях академика А.М. Панкратовой, известного историка рабочего движения в России, выступавшей перед разными аудиториями города Ленинграда через месяц после завершения съезда. В этой «первой» реакции на доклад Н.С. Хрущева можно обнаружить критически направленную *интуицию общественности*, выражавшую потребность в правах человека для защиты себя от всякого произвола, в том числе и коллективного. Для руководства КПСС граница допустимого пролегла в исключении из коллективного начала всякого личного превосходства, что означало возвращение к Ленину – вождю мирового пролетариата, который «свято соблюдал» принцип коллективного решения; для ленинградской общественной эта граница никак не была очерчена и допускалось развитие такого сценария, который вел к деконструкции всего коммунистического мифа.

Ключевые слова: сталинизм, XX съезд КПСС, рефлексивная модель, оттепель, Хрущев, А.М. Панкратова

Для цитирования: Юрганов А.Л. «Оттепель» в СССР: две модели рефлексии после XX съезда КПСС // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 3. С. 131–147.

Введение

20, 21 и 23 марта 1956 г. академик Анна Михайловна Панкратова (1897–1957), известный советский историк рабочего движения, главный редактор журнала «Вопросы истории», член ЦК КПСС, прочитала в Ленинграде в разных местах, в том числе в Центральном лектории Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, в Архивном управлении, на собрании учителей города несколько докладов на тему «XX съезд КПСС и задачи исторической науки». Прошло чуть меньше месяца с того момента, как Н.С. Хрущев обнародовал свой «секретный» доклад, который за это время уже стал известен широкой партийной аудитории. Выступления А.М. Панкратовой в Ленинграде в марте 1956 г. называют в науке «первой реакцией» на прозвучавший доклад¹.

История XX съезда партии изучалась многими исследователями, и практически все детали появления доклада, его обсуждения в высших сферах партии уже известны. Сложной материей для исследователя оказываются границы общественного сознания, которые определяли собой то, что поэт Александр Твардовский называл «внутренним редактором». Ведь изобличающие «культ Сталина» слова Хрущева отнюдь не означали, что партия в этот момент желала рассказать *всю правду* о репрессиях, подвергнув критическому осмыслению опыт ее борьбы с «уклонами» и теми, кого она считала «врагами народа». Поворот к критике «культа» означал только одно – Сталин забыл о коллективизме, о коллективном начале, о коллективных решениях; он перестал обращать внимание на мнение других руководящих членов партийного коллектива. Сама проблема преступлений сводилась к тому, что Сталин репрессировал членов партии и что особенно неприятно – членов Центрального Комитета. Вопрос о преступлениях против всего народа не ставился и не рассматривался. Таким образом возник поворот к рефлексии, предусматривающей защиту *обновленной тоталитарности*, новой коллективной связности (и оправданности) партийных решений. В этой модели была важна *логика отступления* ради сохранения главного – коммунистической перспективы, защиты руководящей роли партии в советском обществе.

Своеобразный социологический опрос

Недоговоренности и противоречия внутри этой рефлексии тревожили сознание тех, кто понимал, что, вынув один кирпич из здания, можно обрушить все строение. Сказав, что Сталин совершил преступления против десятков тысяч партийцев, Хрущев *не признал*, что человек, совершивший чудовищные злодеяния, является преступником, – нет, он по-прежнему «видный деятель» партии, имеющий свои «безусловные» заслуги.

А.М. Панкратова изначально планировала прочитать научный доклад в Ленинграде, однако время запланированной поездки совпало с первыми днями после XX съезда партии, и ей пришлось выступить в роли пропагандиста-информатора ЦК КПСС. В течение трех дней она прочитала 9 докладов

¹ Новиков А.В. Первая реакция на критику «культа личности» И.В. Сталина // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 3–21; № 9. С. 3–21; № 10. С. 3–24.

в разных местах, около 6000 человек ее слушали, и в ходе этих мероприятий она собрала 825 вопросов, которые свидетельствовали об огромной заинтересованности ленинградской общественности в обсуждении основных положений доклада Н.С. Хрущева².

Сложность заключалась в том, что как доклад Хрущева на съезде не обсуждался, так и доклады Панкратовой в Ленинграде запрещено было публично обсуждать.

Разрешалось подавать записки. Панкратова их скопировала, и 21 марта 1956 г. передала в Ленинградский обком партии. В сопроводительном письме ею отмечалось: «Мне кажется, что было бы правильно обсудить эти записки на заседании бюро и наметить меры по усилению разъяснительной работы в ближайшие же дни»³.

В конце марта 1956 г. Панкратова направила докладную записку в ЦК КПСС о своих выступлениях в Ленинграде. Она сообщила, что копии всех 825 записок передала зав. отделом науки Ленинградского обкома т. Филиппову.

Еще одну докладную записку она направила в Президиум ЦК КПСС. Ее название указывает на важность информации, содержащейся в записках, большая часть которых отражает настроение ленинградской интеллигенции в связи с докладом Хрущева. Она писала: «Все доклады и лекции проходили в переполненных аудиториях: присутствовало около 6000 представителей интеллигенции – ученых, студентов, пропагандистов, писателей и т.п. Было подано свыше 800 записок, подавляющее большинство которых посвящено политическим вопросам. Оригиналы записок я отдала секретарю Ленинградского обкома партии тов. А.И. Попову. Перепечатанный текст записок (по группам вопросов) я передала секретарю ЦК товарищу Хрущеву Н.С. и в Отдел науки ЦК КПСС, поскольку очень большое число записок касалось изучения вопросов исторической науки»⁴.

А.В. Новиков, публикуя все скопированные Панкратовой записки (хранящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории – РГАНИ), не обратил внимания на то, что часть этих записок, но в подлинном виде, хранится также в Архиве Академии наук (РАН), в личном фонде А.М. Панкратовой. Это обстоятельство противоречит утверждению, что «оригиналы записок я отдала секретарю Ленинградского обкома партии тов. А.И. Попову». Для чего Панкратова оставила у себя (или ей вернули?) 214 записок (еще необходимо исследовать), и в настоящей работе показана одна из возможностей их использования. Текст многих записок, оставленных в архиве историка, был подчеркнут то красным, то синим карандашами (как это любил делать в своей жизни И.В. Сталин).

Записки из разных аудиторий, переданные Панкратовой, фиксируют такую глубокую рефлексию над докладом Хрущева, что в пору говорить о появлении в текстуальном виде объяснительной *предпосылки* того, что несколько позже назовут «защитой прав человека». Складывалось «общее мнение», что человек не может быть жертвой насилия и одновременно необходимостью этой жертвенности. В такой рефлексии уже почти не остается мифологических преград, которые понуждают верить в противоестественное

² Новиков А.В. Первая реакция на критику «культы личности» И.В. Сталина. С. 3–5.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 6.

единение совершенных преступлений с их «объективной» сущностью. Иными словами, рефлексия ленинградской общественности не шла по пути мифического оправдания полуправды, в которой предметом веры было оправдание объективной необходимости репрессий через осуждение их же в «культе личности».

Конфликтная ситуация

А.М. Панкратова в докладной записке в Президиум ЦК КПСС отметила специально, что некоторые суждения авторов записок побуждают доводить логику разоблачений Сталина до конца. И привела пример одной такой записки: «В жизни устроено: сказав “а”, назови “б”, то есть, назвав отрицательные черты Сталина, надо принять сразу же нужное решение, ибо без “б” от “а” получается, в лучшем случае, недоразумение»⁵.

Это стремление аудитории идти все дальше и дальше – от «а» к «б» и так до самого конца – ей искренне не нравилось; любое продолжение критических мыслей (после доклада Хрущева) она воспринимала едва ли не в духе самых устойчивых стереотипов сталинской идеологии.

Ей не нравилось, что «большинство записок резко осуждает его (Сталина. – А.Ю.) деятельность и *непримиримо требует* (курсив мой. – А.Ю.) сделать все вытекающие из этого выводы»⁶; что «реакция большинства присутствовавших была крайне острая: во многих записках ставился вопрос не только об осуждении культа Сталина, но и всех, кто этот культ поддерживал»⁷; что ставился вопрос «об ответственности бывших при Сталине членов Политбюро за распространение в стране культа личности»⁸; что люди «ставят под сомнение социалистическую сущность нашего общественного и государственного строя»⁹. Ей особенно не нравилось, что «авторы некоторых записок ставят вопрос об опасности перерождения партии и советского государства»¹⁰; что «авторы многих записок доходят до утверждения невозможности объективного научного освещения исторических событий»¹¹; что «немалое количество записок ставит вопрос об оценке исторического значения борьбы партии с антиленинскими течениями»¹².

К каким выводам она пришла? Большая часть выводов касается «технического» состояния идеологического фронта – мало разъяснений, нет материалов для пропагандистов. Главный вывод в содержательном плане не может не удивлять своей «девственной непорочностью» после столь масштабной атаки ленинградской общественности на доклад Хрущева. А.М. Панкратова писала: «Мне кажется, что разъяснительная кампания по вопросу о культе личности не может ограничиваться одной статьей в “Правде”, хотя эта статья вызвала положительный отклик среди широкой советской общественности. Необходимо более углубленное и конкретное

⁵ Новиков А.В. Первая реакция на критику «культа личности» И.В. Сталина. С. 7.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Там же. С. 9.

разъяснение вопроса о культе личности на собраниях актива крупных городов СССР и специальных собраниях пропагандистов, лекторов, научных работников и *широких кругов интеллигенции, среди которых проявляются отдельные нездоровые настроения и (судя по некоторым запискам) прямые рецидивы троцкистско-бухаринских взглядов* (курсив мой. – А.Ю.)»¹³.

Сталкивались две модели рефлексии: обновленная тоталитарность, включающая критику партии как коллективной правды, но допускающая критику культа личности, и критически направленная интуиция общественности, выражающая потребность в правах человека для защиты себя от всякого произвола – в том числе и коллективного. Для первых *граница допустимого* пролегла в исключении из коллективного начала всякого личного превосходства, что означало возвращение к Ленину – вождю мирового пролетариата, который свято соблюдал принцип коллективного решения; для вторых эта граница никак не была очерчена и допускала развитие скептического сценария, ибо вслед за первыми сомнениями в вере нередко следует деконструкция всего мифа. Первые не допускают самостоятельного движения к *большему «прозрению»*, чем на XX съезде, вторые испытывают глубочайшую потребность в «полной правде» – и без изъятий.

В поисках концептуальной гармонии

Рассмотрим вначале, как официальная наука, академическая по своему происхождению, определяла новые границы допустимого после секретного доклада Хрущева.

Документы Архива АН СССР позволяют увидеть, какие задачи были поставлены перед общественными науками в корректировке отношения к наследию большевизма – после «секретного» доклада Н.С. Хрущева.

Первоначальная идея провести Всесоюзную конференцию, посвященную 40-летию Октябрьской революции, была дополнена соображением А.М. Панкратовой, что «в свете критических оценок работы историков на XX съезде КПСС особенно стали ясны недочеты изучения ряда научных проблем истории СССР и всеобщей истории». Она стала инициатором этого мероприятия и буквально сразу же превратилась в председателя конференции на этапе ее подготовки. Предварительно было намечено, что мероприятие пройдет в январе 1957 г., в период зимних каникул в вузах. К участию в конференции должны были быть подключены институты Академии наук всех республик, общее число участников мыслилось в пределах 1500–1600 человек¹⁴.

То, с чем столкнулась Панкратова в Ленинграде, не могло ее не удивить. Ибо во многих записках говорилось не о том, что профессиональные историки в очередной раз ошиблись, недоучли, недоучились, не поняли, а о том, как теперь – после открывшейся правды о «культе личности» – рассматривать политическую историю 20–50-х годов. Во многих записках речь шла о недоговоренностях и умолчаниях в докладе Хрущева. А это уже не вина историков, а их беда, что они поставлены в унижительные условия транслировать

¹³ Новиков А.В. Первая реакция на критику «культа личности» И.В. Сталина. С. 13.

¹⁴ Архив российской Академии наук (РАН). Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 478. Л. 57–58.

не настоящую правду, а ее идеологически окрашенную версию, в которую можно и не верить.

Такой язык рефлексии был недоступен Панкратовой. Она, как всякий чиновник от науки сталинского времени, готова была искать вину и ошибки в себе, в своих трудах, в трудах своих коллег, но не в партийных решениях.

Рассмотрим мифические границы допустимого в сознании руководителей Академии наук, пытавшихся ответить от лица академической науки на «секретный доклад» Хрущева, в котором явлена была неопределенность отношения к Сталину: кто он, преступник или «видный деятель»? Доклад Хрущева удивительным образом совмещал эти характеристики, ученым же предстояло решить данный ребус менее эмоционально, но с большим набором аргументов *pro et contra*. А главное – к чему прийти? К какому выводу? Если не ставить знак равенства: «видный деятель» – он же преступник.

В июне 1956 г. был подготовлен проект будущей конференции в обращении Президиума АН СССР, направленном в ЦК КПСС. 6 июля 1956 г. документ был официально подписан вице-президентом АН СССР К.В. Островитяновым, а 9 июля отправлен в ЦК КПСС¹⁵. В нем обозначено было, что председателем этой конференции предлагается быть А.М. Панкратовой.

2 октября 1956 г. состоялось заседание Бюро отделения исторических наук, и первый пункт повестки был такой: «О подготовке и программе Всесоюзной конференции историков». Выступали А.Л. Сидоров, П.Н. Третьяков, Н.И. Саморуков, А.М. Панкратова, Б.Г. Гафуров, А.Ф. Миллер.

А.М. Панкратова сказала, что нужно дождаться Пленума Центрального Комитета партии, на котором будут приняты важные идеологические решения. Поскольку нет сомнений, что решения будут серьезные, Панкратова сообщила, что на «совещании у т. Островитянова договорились, чтобы перенести срок проведения Всесоюзной конференции историков на середину апреля 1957 года, исходя из того, что после Пленума и на основе его решений понадобится некоторое время для того, чтобы по ряду вопросов историков договорились (курсив мой. – А.Ю.), предварительно обсудить некоторые вытекающие отсюда принципиальные вопросы, а самое главное – практически подойти к рассмотрению и повестки дня в целом, и отдельных докладов. Поэтому сейчас наша Оргкомиссия просит Оргбюро Отделения принять решение о перенесении срока конференции на середину апреля 1957 года»¹⁶.

В декабре 1956 г. академик-секретарь Отделения исторических наук, академик М.Н. Тихомиров отправил письмо в Отдел науки ЦК КПСС такого содержания: «В декабре 1956 г. состоялось заседание Организационного Президиума АН СССР по подготовке Всесоюзной конференции историков с участием представителей академий наук союзных республик. На заседании было признано необходимым уточнить предварительную программу конференции, прежде всего с целью более широкого привлечения к участию в ее работе местных историков. Вместе с тем представители академий наук союзных республик в своих выступлениях подчеркивали, что тщательная подготовка конференции потребует значительного времени и поэтому следует перенести срок ее проведения на осень 1957 г. (сентябрь – октябрь). Отделение исторических наук АН СССР со своей стороны считает,

¹⁵ Архив российской Академии наук (РАН). Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 478. Л. 69.

¹⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 499. Л. 11.

что при определении срока проведения Всесоюзной конференции историков целесообразно учесть это пожелание представителей академий наук союзных республик»¹⁷.

О том, что задержка связана не только с тем, что «местные историки» просят дать время подумать, как это лучше организовать, свидетельствует «Справка о предполагаемой тематике докладов на пленарных заседаниях и на секциях всесоюзной конференции историков». В ней по всем пунктам названы докладчики, а по первому и главному докладу «Задачи советской исторической науки» стоит прочерк¹⁸. Очевидно, что неготовность была не только организационная, но и идейная тоже. Связано это было с тем, что заявленная свобода критики культа личности Сталина оказалась под сомнением из-за возникшего страха партийного аппарата, увидевшего связь советской либерализации с Венгерским восстанием в октябре 1956 г. Если не откат, то более осторожный подход к этой теме в партии вынуждал Академию наук проявлять не меньшую осторожность. И теперь неопределенности становилось еще больше: не будет ли дан задний ход критики Сталина? Ведь она изначально не предусматривала однозначной оценки и допускала перевес в сторону «видного деятеля» – к оправданию действий Сталина «исторической необходимостью».

Совсем недавно, еще в январе 1954 г., на научной сессии общественных наук АН СССР, посвященной 30-летию со дня смерти В.И. Ленина, академик А.Н. Несмеянов говорил, что, «когда думаешь о Ленине, невольно звучит такое высокое поэтическое и такое точное определение, данное Сталиным»¹⁹. Здесь важно отметить ключевое слово: «невольно». Имя Сталина звучало так естественно, что на другом языке заговорить было непросто – словарного состава критики Сталина еще не существовало. Одно дело эмоционально рассказать о нарушениях социалистической законности, и совсем другое научным языком объяснить ошибочность действий руководителя всей партии, но так, чтобы не запятнать саму партию.

На этой же январской сессии А.Л. Сидоров повторял заученную мантру: «Советская историческая наука развивается как материалистическая наука. Она пользуется диалектическим методом Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина... марксистское понимание феодализма у советских историков идет не от Павлова-Сильванского, а от изучения трудов Маркса, Ленина и Сталина... Замечания И.В. Сталина о феодальной собственности, как основе феодализма, указали на наши недостатки и ошибки, на преувеличение роли внеэкономического принуждения. Эти ошибки истории исправляют»²⁰. В апреле 1954 г. на сессии, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией, говорилось так: «Как известно (курсив мой. – А.Ю.), И.В. Сталин, опираясь на теорию нации русских марксистов, дал общую характеристику социалистических наций, как наций нового типа»²¹.

И так далее – и сколько угодно.

¹⁷ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 478. Л. 85, 89.

¹⁸ Там же. Л. 86.

¹⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1954). Д. 350. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 92.

²¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1954). Д. 351. Л. 92.

Выработка научного языка описания

Нелегко – после рефлексорного повторения одного и того же – перейти на язык рациональной критики принятого и усвоенного безусловно сталинского «учения» во всех областях знания. Лишь через некоторое время после XX съезда стало возможным находить составляющие компоненты этого учения, которые допускали критику так, чтобы не обрушивалась вся аргументацию большевизма. Ибо Сталин – это не только культ его собственной личности, но и соучастник всех коллективных решений партии.

3 и 4 декабря 1956 г. проходило координационное совещание «по важнейшим проблемам исторической науки». На нем наиболее последовательную и взвешенную версию критики «культа личности» Сталина дал историк М.П. Ким. Другие академики, выступавшие на совещании, вообще ничего не говорили о проблеме соотношения Сталина, его слов и учения с критикой «культа личности». Так именно выступали М.Н. Тихомиров, П.Н. Третьяков, Ю.В. Бромлей.

Ким в своем выступлении весьма тонко определил ту грань, которая отделяла отношение партии после прочтения Хрущевым «секретного доклада» от того, что случилось после октябрьских событий в Венгрии, когда стало ясно, что критика культа Сталина ведет так или иначе к деконструкции всего коммунистического мифа²².

Разумеется, надо говорить! Но эта оговорка давала право Киму не усиливать, а смягчать критику сталинских положений, как бы растягивая ее во времени.

«Я думаю, что мы борьбу за преодоление этого влияния только начали, по существу, и нам предстоит еще колоссальная творческая работа, требующая времени...»²³ – говорил он.

Казалось бы, Ким предлагал науке быть свободной от цитат Сталина, вообще от цитат классиков марксизма. Однако это не так. Речь шла о свободе от Сталина-теоретика, потому что правильной была такая же тесная связь с Лениным, через постижение его мыслей и слов как теоретика и историка. Ленин – воплощение коллективного начала в партии, это своего рода гениальная мудрость всей партии. Если цитировать и изучать историю, то только путем Ленина.

Отсюда – и «критика» Сталина. Не личная, а через противопоставление мнения Ленина мнению Сталина. Задача Кима состояла в том, чтобы показать истинность высказываний Ленина не только по отношению к тому, что случилось при его жизни и сразу после смерти, но и в дальней перспективе. Ленин объясняет историкам, почему возможно многообразие коллективного опыта социализма, который оказался не во всем созвучным сталинской индустриализации и коллективизации. В Китае обошлось без уничтожения кулака как класса, в странах народной демократии возможна многопартийность. Сталин как цитатник мертв! Ленин как источник истинного знания жив – и способен своими теоретическими трудами объяснить реалии послевоенного устройства мира.

²² АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 520. Л. 51.

²³ Там же. Л. 52.

Двойственность XX съезда в оценке Сталина породила и двойственность интерпретации советской истории. Ким рассмотрел наиболее важные аспекты в переоценке истории и пришел к следующим умозаключениям.

Первый тезис – это вопрос о коллективизации. Как объяснить, что у китайских товарищей обошлось без коллективизации, а в СССР не обошлось? Оказывается, Ленин «не имел в виду сразу, как фаталистическую неизбежность, применять метод экспроприации, насильственного ниспровержения этого класса путем ликвидации его методом раскулачивания»²⁴. Таким образом, китайские товарищи тоже шли путем Ленина! Но почему же мы не шли этим путем? «Своеобразие советской действительности вынудило нашу партию, советскую власть прибегнуть к другому способу, чем способ такого мирного преодоления кулацкого хозяйства в деревне»²⁵. Значит, Ленин прав и тогда, когда предсказал китайский путь к социализму, и Ленин прав, потому что в СССР сложились другие обстоятельства – и такое решение тоже было в духе вождя мирового пролетариата.

Второй тезис – это вопрос о «государственном капитализме». Ведь в Китае широкое развитие получил этот тип экономического развития. Почему же этого не случилось в СССР? Оказывается, Ленин «сплошь и рядом неоднократно высказывался по вопросу о госкапитализме, о значении этого хозяйственного института, экономической категории в развитии советской экономики». Более того, Ленин полагал, что государственный капитализм как уклад прогрессивнее любого другого уклада, который существовал в стране. Никакого осуждения Сталина, никакой переоценки деятельности Н.И. Бухарина, «правого уклона», только сожаление: «Мы несколько упрощенно толковали вопрос о государственном капитализме»²⁶. Ким предупредил – переоценка лишь началась, процесс этот долгий.

Третий тезис – это многопартийность. В Польше, как и в других странах народной демократии, обнаруживается стремление к многопартийности, что несколько не противоречит духу ленинского учения. Ким противопоставляет учению Ленина догматически понятые утверждения Сталина, – и виноваты сами историки²⁷.

Они виноваты в том, что «встали на путь догматизма, воспринимали как нечто законченное, как истину в последней инстанции все то, что говорил Сталин, не подвергали научно-критическому рассмотрению отдельные его положения, если даже они вызывали у некоторых возражения и сомнения»²⁸. «Кульм личности» – это неверное отношение к Сталину, допускающее некритическое восприятие его высказываний. Это сказано так, как будто напрочь забыт страх не только самой критической мысли, но и возможности любого непослушания в условиях жесточайшей диктатуры.

При этом само обличение историков – правдивое. Ким говорил: «...факты подводились как иллюстрации к тому или другому сталинскому положению»; «весь наш труд сводился к тому, что мы подбирали цитаты, из цитат строили готовую схему, априорную, и затем подбирали к ней иллюстрации, отдельные факты и фактики»; «мы нарушили элементарное требование

²⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 520. Л. 57.

²⁵ Там же. Л. 58.

²⁶ Там же. Л. 62.

²⁷ Там же. Л. 64.

²⁸ Там же. Л. 66.

марксистской науки – идти не от фактов и их анализа, всестороннего изучения, идти не от обобщения фактов к каким-то выводам, а исходя из заранее данных выводов, давать объяснения отдельным фактам»; «наше отношение к фактам было сплошь и рядом довольно тенденциозным»²⁹.

Трудные вопросы идентификации

Особенно ярко проявила себя неопределенность (и двойственность) в его отношении к «врагам народа». Ким не смог преодолеть то противоречие, которое было заложено партийным съездом, более того, он усилил это противоречие, доводя его до алогизма. Не отрицая, что были «враги народа», он критикует историков за то, что они «старались их роль изобразить в виде сплошных злодеяний и вредных действий, приписывали им то, чего в действительности у них не было и не могло быть (курсив мой. – А.Ю.)»³⁰. Но если не могло быть того, что так враждебно советской власти, то, может быть, и «врагов народа» не было? Этот вопрос зеркально отражает другой вопрос – о товарище Сталине: если открылись его преступления, страшные по своей жестокости и коварству, может быть, не стоит говорить о «видном деятеле» партии? Как ничего нельзя сказать более определенного о Сталине (после доклада Хрущева), так ничего нельзя сказать определенно и о «врагах народа» – это осевые линии в драматургии «оттепели», которую партийная элита старалась удерживать в рамках, уже лишившихся прежней мифической убедительности.

Сталин, по заключительному признанию Кима, остается «крупным теоретиком-марксистом, крупным организатором, имеет много заслуг перед партией, но историческая наука требует, чтобы о личности, о событиях и делах говорить то, что было в действительности». Прозвучал пафос спасительной неопределенности: «Историю нельзя ни ухудшать, ни улучшать, однако мы этого не делали»³¹.

Обсуждение доклада Кима (4 декабря 1956 г.) показало, что не только никто не хотел расширять затронутую им сферу, но явно стремился сузить уже заявленную, чтобы упростить переход от одного способа описания к другому: от сталинского к ленинскому. Необходимо было актуализировать другие цитаты. Удивительно, что при этом слово «самостоятельность» относилось не к свободе творчества, а к необходимости «самостоятельно изучить историографические взгляды Ленина по ряду коренных проблем Октябрьской революции и советского строительства... ведь у нас нет ни одной работы, и одной даже статьи о Ленине, как историке партии»³². Это утверждение М.А. Рубача понравилось многим. В самом деле, чтобы правильно цитировать, нужно знать исторический контекст ленинских цитат. Подготовка всесоюзной конференции и признание того, что историки еще не вооружены ленинскими мыслями, соединились в чувстве неуверенности, мешавшем желанию собрать конференцию в ближайшее время.

²⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 520. Л. 67, 69.

³⁰ Там же. Л. 76.

³¹ Там же. Л. 78.

³² АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 521. Л. 2.

7 декабря 1956 г. шло заседание секции истории исторической науки координационного совещания, председательствовала М.В. Нечкина. Выступая первым, Б.П. Козьмин говорил в единой манере с академиком Кимом: он разоблачал догматизм историков, их несамостоятельность, но главная вина или причина всех зол заключалась в том, что «мы, – как говорил Козьмин, – отступаем от четких и ясных указаний В.И. Ленина, мы занимаемся совершенно недопустимым приукрашиванием действительности»³³. Борьба с догматизмом и начетничеством, с несамостоятельностью историков легко уживалась с мыслью об «отступлении» от директивных высказываний Ленина – такова двойственность в официальной презентации историков Академии наук.

Пример «отступничества» в докладе Б.П. Козьмина – это вопрос о народниках: «Мы отступали от ленинской точки зрения, стали совершенно незаконно противопоставлять революционных демократов народникам, в то время как есть *совершенно точное указание* (курсив мой. – А.Ю.) на то, что народничество – это идеология разночинной интеллигенции на втором этапе развития освободительного движения в России». Ни слова о Сталине, только эзопов язык, который не нуждается в пояснениях: «...мы добьемся преодоления тех ошибок, от которых наша наука в последние годы очень сильно страдала»³⁴.

С.М. Дубровский пытался даже свести к отступлению от «ленинского положения о народничестве» весь «культ личности». Он говорил: «Вот здесь Борис Павлович (Козьмин. – А.Ю.) начал с культа личности. А в чем заключается культ личности для нас, историков? В серьезных отступлениях от ленинского положения о народничестве. В чем заключались коренные ошибки? В том, что забыли ленинское учение о народничестве»³⁵.

Разворачивалась полемика против сталинских цитат, но ни Сталина, ни его высказывания прямо не обозначали таковыми. Дубровский говорил на языке страха, который невозможно было изжить одновременно. Вот пример такой «полемики»: «Институт истории Академии наук на ученом совете принял печатную работу И.И. Смирнова, где доказывается, какой был замечательный порядок, который установился в Московском государстве в XVI веке, что даже Иван IV, когда был в пленках, был представителем прогрессивных тенденций, а его противники – сплошь реакционеры. Если Иван IV грабил крестьян – это очень хорошо, а если бояре грабили крестьян – то это очень плохо; и вся борьба заключалась в том, что он – представитель прогресса, а бояре – деятели феодальной реакции...»³⁶.

Преодоление культа личности, по мнению Дубровского, – это «в первую очередь восстановление подлинного смысла ленинских взглядов по тому или иному вопросу»³⁷.

Таково было общее мнение собравшихся...

³³ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 525. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 10.

³⁵ Там же. Л. 41.

³⁶ Там же. Л. 42.

³⁷ Там же. Л. 54.

Лекция А.М. Панкратовой в Ленинграде

А.М. Панкратова так и не дождалась всесоюзной конференции, где она хотела быть председателем. Она умерла 25 мая 1957 г.

Близкий вариант к тексту лекции, прочитанной в Ленинграде – и по времени, и по стилю изложения, – обнаруживается в ее личном архивном фонде. Текст машинописи назван так: «Важнейшие вопросы преподавания истории СССР в 10-х классах»³⁸. Видно, что лекция написана после XX съезда, но трудно сказать – до или после венгерских событий. Во всяком случае, при написании этого текста Панкратова чувствовала себя более свободно, чем в докладах на академических заседаниях. Сохранился и другой текст ее лекции, написанный незадолго до XX съезда, – «О задачах советских историков в изучении истории советского общества»³⁹. Его датирующие признаки такие: упоминается большая цитата из сочинения Сталина в конце лекции – что невозможно было после съезда; и упоминается «культ личности» – понятие, которое вошло в оборот едва ли не сразу после смерти И.В. Сталина. Скорее всего, этот текст был написан в 1954–1955 гг. Между этими текстами разница – значительная: в лекции до съезда нет ни одного слова хоть сколько-нибудь конкретного, а в лекции после съезда Панкратова позволила себе (разрешенную в партии) критику «культа личности».

В лекции 1956 г., обращенной к учителям, она говорила примерно то же, что и в Ленинграде. Едва ли академик, приученная «не менять показаний», стала бы разнообразить свои ответы на поставленные партией новые вопросы.

В тексте лекции (1956) читаем:

«В “Кратком курсе истории ВКП(б)” освещаются с позиций культа личности И.В. Сталина, в результате чего действительная роль В.И. Ленина не давалась во всей ее великой значимости». Это – штамп новой рефлексии, который вполне устраивал официальные лица исторической науки.

Аудитория Панкратовой задавала вопросы, в которых не было заранее готовой схемы, здесь брал верх здравый смысл. Мифологическая логика убедительна для своего типа рефлексии, логика здравого смысла убедительна в области деконструкции. Здесь и возникает глубинное противоречие хрущевской «оттепели». Одни «разрешают» критиковать и ставят себе в заслугу это разрешение, другие не удовлетворяются полуправдой, если в ней исчезает прежняя убедительность.

Вот некоторые вопросы аудитории (далее цитируются подлинные записки, хранящиеся в АРАН):

– «Прошу ответить на следующие вопросы: 1. Как материалистически объяснить столь длительное господство “культа личности” в нашей стране? Тот факт, что этот “культ” овладел массами? Не является ли в какой-то мере закономерным явлением *временное* (вставлено сверху. – А.Ю.) вырождение “ленинизма” в “сталинизм”? (Нельзя ведь все это объяснить только “твердой волей”, “дурным характером” и “манией преследования” Сталина). 2. В связи с признанием тезиса о возможности разных путей построения социализма, не является ли долгом исторической справедливости пересмотреть

³⁸ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 192. Л. 1–44.

³⁹ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 190. Л. 1–14.

оценку различных оппозиций, которые противопоставляли линии Сталина свою линию построения социализма?»⁴⁰.

– «Указания Сталина, как творца культа личности отвергаются, а указания Хрущева не есть (ли) повторение прежнего?»⁴¹.

– «Вы говорите, что преувеличение роли Сталина, культ его личности затмевало у историков критическую мысль. Но не может ли теперь, после развенчания Сталина, произойти то же в отношении Ленина? Не приведет ли это к приписыванию всего того, что было сделано народом и партией, только одному Ленину? К догматизации высказываний Ленина?»⁴².

– «Вы не находите, что решения XX съезда опять принимаются догматически? Ведь все, что было на съезде не обсуждается с критическим подходом, а опять принимаются на веру, т.е. повторяются старые ошибки»⁴³.

– «Почему культ личности тов. Сталина является ошибкой, а культ личности Маркса, Энгельса и Ленина в настоящее время в порядке вещей. Ведь они являются также вождями и организаторами партии, следовательно партию создавали и вели отдельные личности»⁴⁴.

– «Скажите: факт сосредоточения власти (в личности) и государстве т. Хрущева (I-й секретарь ЦК КПСС, председатель бюро ЦК по РСФСР) не таит ли в себе возрождение культа личности?»⁴⁵.

А.М. Панкратова повторила еще один штамп из хрущевской рефлексивной модели: «Переходя к выяснению важнейших вопросов Октябрьской революции, следует подчеркнуть, что в наших учебниках и во многих работах по истории Октябрьской революции гораздо больше освещалась роль И.В. Сталина, чем В.И. Ленина, и недостаточно раскрывалась роль народных масс, а также роль коммунистической партии, как *руководящей и вдохновляющей силы* (курсив мой. – А.Ю.)...»

Вопросы аудиторией:

– «Последнее время у нас много говорят о развитии инициативы масс. По этому поводу прошу ответить на несколько вопросов. Возможно ли развитие инициативы масс, – политической инициативы, – без гласности, знания, по крайней мере широкими партийными массами, всей (здесь и далее подчеркнуто автором записки. – А.Ю.) деятельности всех органов партии, органов советских? Ведь без этого невозможен широкий партийный народный контроль за деятельностью наших руководящих органов, возможны новые извращения партийных принципов...»⁴⁶.

– «Вопросы. 1. Как относится к документам, исходящим от Зиновьева и других, а не от учреждений, во главе которых они стояли? 2. Из сказанного видно, что в “Кратком курсе” допущены факты фальсификаций (Луганск, цифры участников в восстании). С какой стороны это было выгодно т. Сталину, и была ли попытка указать на это?»⁴⁷.

⁴⁰ АРАН. 697. Оп. 1. Д. 181. Л. 16.

⁴¹ Там же. Л. 95.

⁴² Там же. Л. 119.

⁴³ Там же. Л. 125.

⁴⁴ Там же. Л. 141.

⁴⁵ Там же. Л. 158.

⁴⁶ Там же. Л. 87.

⁴⁷ Там же. Л. 129.

– «Можно ли публиковать листовки, в тексте которых встречаются фамилии В.И. Ленина и Зиновьева вместе? Апрель–июнь 1917. Листовка издана ЦК РСДРП и разоблачает клевету буржуазной прессы на В.И. Ленина»⁴⁸.

– «Просьба ответить: 1) Кто же еще, кроме Сталина, сфальсифицировал «Краткий курс»?»⁴⁹.

Как в «секретном» докладе Хрущева явлена двойственность, так и в лекции Панкратовой она повторяется в оценках деятельности Сталина. Он не был военным гением, но «не следует преуменьшать его роли ни в Октябрьской революции, ни в гражданской войне». Подобные двусмысленные формулы провоцировали вопросы с позиций «здравого смысла».

– «Т. Панкратова! Зиновьев, Каменев и др. всегда представляли(сь) перед нами злейшими врагами партии. Почему в письме Крупской Зиновьев называется личным другом Ленина (Григорий)? Или я ошибаюсь?»⁵⁰

Острый национальный вопрос никак не обойти, и Панкратова отмечает в своей лекции то, о чем, судя по всему, говорила и в аудитории. Не Сталин, а Ленин – создатель СССР. Кроме того, Ленин критиковал Сталина за ошибки тезисов об «автономизации»: «Ленин резко осудил этот проект как примиренческое отношение Сталина и других членов комиссии по разработке тезисов, к великодержавному шовинизму»⁵¹.

Вопросы из зала затрагивали те сферы, которые не были упомянуты в докладе Хрущева: в нем сказано было о фальсификации «дела врачей» и при этом – *ни слова* о всей кампании по борьбе с космополитизмом:

– «Рассматривался ли в ЦК вопрос об антисемитизме? Можно ли ждать решительных изменений в этом в ближайшее время. Что мешает решительно заговорить об этом, как говорил об этом в свое время Ленин»⁵².

– «Установлено ли, кто был инициатором послевоенной волны антисемитизма, достигшей своего максимума в 1951–52 гг. и почему до сих пор открыто и беспощадно, по-ленински, не борются с этим позорным явлением?»⁵³.

– «Как будем выпутываться из позорного конфуза с антисемитизмом?»⁵⁴.

– «Антисемитизм – позорнейшее явление нашего времени – не нашел настоящего осуждения ни в докладе тов. Хрущева, ни в вашем докладе. Говорить об “отдельных случаях проявления антисемитизма” по меньшей мере не серьезно»⁵⁵.

В лекции Панкратовой упомянуты самые спорные вопросы советской истории: индустриализация и коллективизация. Если академик Ким теоретически допускал некоторые ошибки партии в этот драматический период, то Панкратова думала иначе: «И.В. Сталин, занимавший пост генерального секретаря ЦК партии, активно, вместе с другими руководящими деятелями, защищал и проводил ленинские идеи индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, боролся за ленинизм, возглавляя борьбу партии против троцкистов и правых оппортунистов, выразивших интересы сопротивлявшихся эксплуататорских классов и настроения мелкобуржуазных слоев

⁴⁸ АРАН. 697. Оп. 1. Д. 181. Л. 130.

⁴⁹ Там же. Л. 131.

⁵⁰ Там же. Л. 178.

⁵¹ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 192. Л. 35.

⁵² АРАН. 697. Оп. 1. Д. 181. Л. 110.

⁵³ Там же. Л. 30.

⁵⁴ Там же. Л. 70.

⁵⁵ Там же. Л. 72.

населения»⁵⁶. Такая позиция понятна: хрущевский доклад подчеркивал неоднократно, что неправ Сталин в единоличных решениях, но коллективные решения партии не оспариваются.

Вопросы – из зала:

– «Доказано ли, что идейные враги Ленина (Троцкий, Бухарин, Рыков и др.) были агентами иностранных разведок?»⁵⁷.

– «Как вы считаете, ликвидация кулачества как класса в нашей стране, такие меры, как поголовное (подчеркнуто автором записки. – А.Ю.) выселение кулаков, конфискация имущества (т.е. и другие репрессивные меры) были ли правильными? Не является ли это проявлением деспотизма?»⁵⁸.

Сталинские репрессии Панкратова рассматривала как нарушение коллективных принципов руководства партии. Она повторила двойственную оценку «культ личности» Хрущева, чтобы не давать повода думать, что выходит «за рамки»: «В марте 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин в докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и других двурушников» выступил с положением о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба в стране будет обостряться. Эта формула, выдвинутая тогда, когда социализм уже победил в нашей стране, неправильно ориентировала партийные и советские органы, послужила обоснованием многочисленных репрессий, нанесла большой ущерб коммунистической партии и Советскому государству. Но было бы крупнейшей ошибкой не видеть того, что “несмотря на культ личности и вопреки ему, могучая инициатива народных масс, руководимых коммунистической партией, рожденная нашим строем, творила свое великое историческое дело”»⁵⁹.

Вопросы из зала:

– «В докладе тов. Хрущева говорится:

1) о том, как тт. Хрущев и Булганин, идя к Сталину не знали, вернутся ли они домой или попадут в тюрьму.

2) Сталин применял террор тогда, когда социалистические отношения победили во всех отраслях.

3) Сталин подписал 383 ежовских списка на уничтожение невиновных людей.

4) “Ленинградское дело” – сплошная фальсификация – результат произвола Сталина.

5) “шевельну пальцем” – и т.д.

6) Сталин полностью утратил чувство реального.

7) О врачах Сталин сказал заму министра вн(утренних) дел: “Если не добьетесь признания врачей – с вас будет снята голова”.

8) По вине Сталина под Харьковом погибли десятки тысяч советских людей.

9) Полностью развенчан “военный гений” Сталина.

10) “оторванный от жизни человек”.

11) бюрократ (преступно) месяцами не рассматривал неотложных (так! – А.Ю.) дел.

⁵⁶ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 192. Л. 38.

⁵⁷ Там же. Л. 57.

⁵⁸ Там же. Л. 58.

⁵⁹ Там же. Л. 38.

12) Если бы Сталин жил еще несколько месяцев – Микоян и Молотов не выступали бы на этом съезде.

13) не замечал тяжелого положения советского хозяйства.

14) Сталин отгородился от народа.

И т.д., и т.д., и т.д.

Это уже не ошибки, а преступления (подчеркнуто автором записки. – А.Ю.).

Как же после этого Вы предлагаете продолжать изучение трудов Сталина?»⁶⁰.

Заключение

Мы видим, что сопоставление двух типов рефлексий в эпоху «оттепели» показывает нежизнеспособность «отступления» к прежним ленинским образцам коллективного руководства страной и партией. Мифология власти держится на необсуждаемости принятой истины, но если в ней возникает *двойственность без ключевого решения*, то мыслительная деятельность людей обнажает в качестве ответа рефлексию «здравого смысла» – самое разрушительное оружие для мифической убедительности. Нельзя еще раз войти в ленинский миф коллективистского начала как основы мироустройства, если не решен главный вопрос, – кто виноват в том, что случилось? Один человек, пусть и главный? Или вся партия? Уникальный эксперимент, проведенный Панкратовой через месяц после прочтения «секретного доклада» Н.С. Хрущева, дает возможность увидеть, подобно социологическому опросу, настроения широкой гуманитарной общественности, советской интеллигенции. Даже когда вопрос из зала не был политически острым, *сама непосредственность* восприятия случившегося, которую наилучшим образом выразил вопрос – «Как объяснить детям дошкольного возраста, заданные ими вопросы: “Мамочка, дядя Сталин хороший человек?”» – ставит похоронный знак на всей перспективе деятельности большевистской партии. Ибо сомнение в вере это совсем не то, что *credo quia absurdum*.

Список литературы

Новиков А.В. Первая реакция на критику «культы личности» И.В. Сталина // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 3–21; № 9. С. 3–21; № 10. С. 3–24.

⁶⁰ АРАН. 697. Оп. 1. Д. 181. Л. 89–89 об.

“Thaw” in the USSR: two models of reflexion after the XX Congress of the CPSU

Andrey L. Yurganov

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: Iurganov@yandex.ru

The article deals with reflexive models by which Khrushchev's "secret" report at the XX Congress of the CPSU was perceived. For the leaders of CPSU, Stalin's "cult" meant only that Stalin had forgotten about collectivity, about the collective origin, about collective decisions; he had stopped paying attention to the opinion of other leading members of the party. He exalted himself, not the party. The very problem with his crimes was that Stalin repressed party members. The issue of his crimes against the entire people was not raised or considered. Thus, a turn towards reflection emerged that aimed to protect the renewed totalitarianism, new collective cohesion (and justification) of party decisions. In this model, the function of the logic of retreat was crucial for preserving the main value, which was the communist perspective. The article explores the behavioral strategies of the leading historians in the Academy of Sciences in the times of uncertainty in the official attitude towards Stalin: who is he from Khrushchev's perspective: a criminal or a "prominent figure" in the party? The other model is found in the questions asked by the audience during the lectures given by Academician A.M. Pankratova, a well-known historian of the working movement in Russia, who spoke to different audiences in Leningrad one month after the Congress. In this "first" reaction to Khrushchev's report, one can find a critical public intuition that expressed the need for human rights in order to protect oneself from any kind of outrage – including the collective one. For the leaders of the Communist Party of the Soviet Union, the boundary of what was tolerable lay in the exclusion of any personal superiority from the collective beginning, which meant a return to Lenin – the leader of the world proletariat, who "sacredly respected" the principle of collective decision; for the audiences in Leningrad, this boundary was not outlined in any way and the message that was transmitted allowed even for a scenario that led to a deconstruction of the entire communist mythology.

Keywords: Stalinism, XX Congress of the CPSU, Reflexive Model, Thaw, N.S. Khrushchev, A.M. Pankratova

For citation: Yurganov, A.L. "‘Ottepel’ v SSSR: dve modeli refleksii posle XX s"ezda KPSS" [‘Thaw’ in the USSR: two models of reflexion after the XX Congress of the CPSU], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 3, pp. 131–147. (In Russian)

References

Novikov, A.V. "Pervaya reaktsiya na kritiku ‘kul'ta lichnosti’ I.V. Stalina" [First Reaction to Criticism of the ‘Personality Cult’ of Stalin], *Voprosy istorii*, 2006, No. 8, pp. 3–21; No. 9, pp. 3–21; No. 10, pp. 3–24. (In Russian)